

Ицхак Арад

РАЗГРАБЛЕНИЕ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ ЕВРЕЙСКОГО ИМУЩЕСТВА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР

Массовое уничтожение евреев на территориях СССР, с 1941 по 1944 годы оккупированных Германией, сопровождалось грабежами и изъятием имущества. К этому вела как логика «окончательного решения еврейского вопроса» в этих регионах, так и политика эксплуатации населения и народного хозяйства оккупированных земель на потребу германской военной экономики, – для нужд немецкой армии, воевавшей на Восточном фронте, нужд немецкой администрации и ее учреждений, возникших на оккупированных территориях, и нужд населения самой Германии.

Грабеж и убийство евреев на оккупированных территориях происходили в СССР иначе, нежели в странах Европы. В СССР сложились особые условия. Советских евреев убивали у расстрельных ям, выкопанных неподалеку от мест их проживания, а не в отдаленных лагерях уничтожения, так что деньги, драгоценности и остальное имущество оставались на месте. Кроме того, личная собственность евреев в коммунистической стране по определению отличалась от собственности евреев – граждан капиталистических странах Европы, оккупированных Германией. Действовавшие на оккупированных территориях СССР органы немецкой власти – немецкая армия и военная администрация, органы СС, немецкая гражданская администрация – непрерывно спорили между собой, кто хозяин еврейского имущества. Борьба за полномочия, за права на еврейское имущество была одной из самых характерных черт процесса разграбления этого имущества. Широкие массы нееврейского населения оказались замешаны в процесс грабежа в силу своей близости к еврейским соседям.

Настоящая статья описывает немецкую политику относительно индивидуальной собственности евреев на оккупированных территориях СССР, указывает, в чьих руках она оказалась, описывает борьбу между различными структурами за ее присвоение и способы грабежа. Источниками при написании этой статьи послужили частично материалы архивов и опубликованных исследований, а частично – данные недавно открывшихся советских архивов и исследований, вышедших в свет в странах СНГ в последние годы.

Характеристика собственности евреев в СССР

Говоря о разграблении еврейского имущества, осуществляемом немцами на оккупированных территориях СССР, мы будем иметь в виду присвоение собственности или любого ценного с экономической точки зрения предмета, находившегося в руках евреев. Как правило, размеры этого имущества были ограничены. В первые годы после революции, в период военного коммунизма, советская власть экспроприировала у всех своих граждан, как евреев, так и неевреев, заводы, фабрики, большие здания, земельные участки, банки и другое имущество. Похожая судьба постигла и общественную собственность – принадлежавшие еврейским общинам и организациям школы, синагоги, больницы, культурные учреждения. Годы Первой мировой войны, революция и гражданская война, погромы и сопровождавшие их грабежи и мародерство, – все это разорило евреев. Скромное имущество, накопленное мелкими еврейскими торговцами и ремесленниками в период НЭПа, в 1921–1928 годах, было конфисковано в конце 20-х – начале 30-х годов в период коллективизации.

Еврей, как и любой другой советский гражданин, мог иметь квартиру (как правило, небольшую), мебель и предметы домашнего обихода, одежду и личные вещи. В колхозах или в маленьких местечках гражданину разрешалось держать домашних животных – корову, козу и др. В собственности отдельного лица или семьи были деньги и ценности, тоже, как правило, небольшие. В этом и заключалось имущество еврея на старой территории СССР – в границах, существовавших до начала Второй мировой войны в сентябре 1939 года.

Экономическое положение евреев на территориях Западной Белоруссии, Западной Украины, стран Балтии, Бессарабии и Северной Буковины, аннексированных Советским Союзом в 1939–1940 годах, было несколько иным. Большинство еврейского населения принадлежало там к среднему классу (в лучшем случае); лишь немногие были богаты. Советский режим в самом начале аннексии национализировал банки, предприятия, компании, жилые дома, заморозил денежные вклады. Квартиры и их содержимое обычно оставались в собственности владельцев, кроме тех случаев, когда владельцы бывали объявлены враждебным советской власти элементом и арестованы или сосланы вглубь СССР.

Заработки евреев сильно пострадали; многие с трудом зарабатывали на пропитание. Так обстояло дело в первые недели и месяцы советской власти.

Вместе с тем период советского управления аннексированными территориями был столь краток, что до немецкого вторжения в еврейских руках оставались еще деньги, ценные вещи и драгоценности, в целом превосходящие по стоимости то, чем располагали евреи, проживавших в старых границах СССР. Так же обстояло дело и с квартирами. Даже при отсутствии точных данных можно с уверенностью утверждать, что индивидуальное имущество евреев в СССР (в старых границах) или на аннексированных территориях было скромнее, чем имущество евреев Центральной и Западной Европы. У советских евреев к тому же не было общественной собственности, – религиозных учреждений, школ, больниц, различных клубов и т. д., – в отличие от еврейских общин Центральной и Западной Европы. Однако на оккупированных территориях СССР проживало значительно большее число евреев, чем в Центральной и Западной Европе; их совокупное имущество составило, в пересчете на деньги, огромную и важную сумму. Это имущество включало в себя квартиры – со всем их содержимым – принадлежавшие сотням тысяч евреев, бежавших от оккупации, или эвакуированных на восток, вглубь СССР, или отправленных в гетто, или убитых. Это имущество включало в себя также вещи, деньги и ценности, отбравшиеся у жертв в местах их уничтожения.

Устройство немецкой системы – экономическая эксплуатация оккупированных территорий СССР

В приказах по планированию операции «Барбаросса» были установлены экономические задачи по эксплуатации оккупированных территорий СССР. В директивах верховного командования Вермахта, данных незадолго до операции, 13 марта 1941 года, говорится, что на военных командиров тыловых зон возложены

3. ...[И]спользование и охрана хозяйственных ресурсов страны для нужд немецкого хозяйства... использование ресурсов страны для снабжения германских войск по требованию главного командования сухопутных сил (ОКХ)...

4. Единое руководство хозяйственными инстанциями в районе боевых действий фюрер поручил рейхсмаршалу (Герингу – И. А.), который возложил эту задачу на начальника управления военной экономики и промышленности штаба вооруженных сил (Wehrwirtschafts- und Rüstungsamt)¹.

С целью экономической эксплуатации территорий, находящихся в ведении военной администрации, Геринг создал Штаб управления хозяйством «Восток» (*Wirtschaftsführungsstab Ost*), которому он подчинил Хозяйственный штаб «Восток» (*Wirtschaftsstab Ost*), с отделениями в каждой группе армий, до уровня городских комендатур – ОК (*Ortskommandanturen*). В зонах гражданской администрации полномочия в сфере экономики и использования народного хозяйства в военных целях и на внутренние нужды органов управления находились в руках рейхскомиссаров и подчинявшихся им административных структур. С целью эксплуатации территорий для нужд армии в зонах гражданской администрации самостоятельно действовали филиалы «верховного главнокомандования Вермахта – отдела экономики и вооружения», под началом генерала Георга Томаса. Слово генерала Томаса имело вес и в штабах по экономической эксплуатации, действовавших в зонах военной администрации².

В рамках общей ответственности все эти учреждения приписывали себе эксклюзивные полномочия в вопросе использования еврейского имущества. Однако органы СС, прежде всего айнзатц-группы, и отделения Зипо и СД претендовали на право единолично решать все вопросы, связанные с евреями, в том числе с их собственностью и ценностями. На этой почве между различными немецкими структурами возникало немало споров и разногласий. Еще одним участником грабежа и разбоя, самым важным, было местное население, действовавшее по разрешению немецких властей или без него. В руках местного населения оказалась значительная часть еврейского имущества. Экономическая эксплуатация подразумевала и использование рабочей силы, но в данной

¹ *Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.)*. М.: Политиздат, 1968. С. 25.

² Raul Hilberg, *The Destruction of the European Jews* (New York: Holmes and Meier, 1985), pp. 355–357; Alexander Dallin, *German Rule in Russia, 1941–1945* (London: Macmillan, 1957), pp. 314–316.

статье я не буду обсуждать экономическое значение еврейской рабочей силы, а только принадлежавшую евреям собственность – недвижимое и движимое имущество, деньги и ценности.

Приказы и указания по поводу еврейского имущества

В меморандуме Министерства оккупированных восточных областей, под названием «Директивы по обращению с еврейским вопросом» (*“Richtlinien für die Behandlung der Judenfrage”*) по поводу еврейской собственности сказано:

За исключением того, что будет означено как самое необходимое для существования, вся еврейская собственность подлежит учету, конфискации и изъятию. В той мере, в какой экономическое положение позволяет, в рамках этих мероприятий необходимо как можно скорее лишить евреев контроля над их имуществом с помощью приказов и дополнительных мер, проводимых комиссариатами, чтобы пресечь, при первой же возможности, его передачу [в другие руки]³.

Во временных распоряжениях рейхскомиссара «Остланда»⁴ Гинриха Лозе от 13 августа 1941 года (пункт IVF) говорится, что еврейское имущество должно быть конфисковано и зарегистрировано, но не указано, в какие сроки. Кроме того, евреи обязаны немедленно сдать всю имеющуюся у них местную и иностранную валюту; на проживание им оставлено два рубля в день на человека. Также они должны немедленно сдать все ценные бумаги, драгоценные металлы и камни⁵. Дополнительной целью этого приказа было довести до сведения армии и СС, что все вопросы, связанные с еврейским имуществом, решает гражданская администрация, и она же – и только она – является полноправным хозяином этого имущества.

Лозе и недавно созданная гражданская администрация об-

³ Документы Нюрнбергского процесса, PS-212. Документ не датирован.

⁴ Рейхскомиссариат «Остланд» охватывал страны Балтии и большую часть оккупированной Белоруссии. В гражданской администрации рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина» была принята иерархия «комиссаров». Высшей должностью был рейхскомиссар, во главе больших административных единиц стоял генералкомиссар, а во главе «округа» (*Gebiet*) – гебитскомиссар.

⁵ Документы Нюрнбергского процесса, PS-1138.

наружили, что различные учреждения уже наложили руки на еврейскую собственность. Армия и органы военного управления, контролировавшие территорию до появления гражданской администрации, успели захватить многие здания, принадлежавшие ранее евреям, конфисковать мебель и вещи для своих кабинетов и военных частей, изъять деньги и ценности на миллионы марок. Айнзатцгруппы, немецкие и местные полиции, проводившие карательные акции, присваивали вещи и ценности своих жертв. Многие местные жители вламывались в еврейские квартиры, грабили все, что попадалось под руку или, после того как хозяева бывали расстреляны, вселялись в дома убитых. «Временные распоряжения» от 13 августа 1941 года оказались недостаточно четкими: они не подчеркивали, что имущество евреев следует забрать поскорее, пока им не завладели другие структуры. Не упоминалось также еврейское имущество, уже успевшее перейти в другие руки. Чтобы исправить это положение, 13 октября 1941 года Лозе издал детальную «Директиву об аресте и использовании еврейской собственности в рейхскомиссариате «Остланд»». В ней говорилось:

1. Все движимое и недвижимое имущество еврейского населения в областях, управляемых рейхскомиссаром «Остланда», подлежит аресту...
2. Имуществом являются движимые и недвижимые предметы вместе со всеми принадлежностями, претензиями, правами участия...
3. Арест налагается рейхскомиссаром «Остланда» или уполномоченными им властями... Аресту не подлежит:
 - а) часть домашней утвари, служащей скудным жизненным потребностям;
 - б) наличные деньги, активы в банках и сберегательных кассах, как и ценные бумаги, общей ценностью до 100 рейхсмарок...

[...]

- б. Арест и денежный штраф, либо одна [из этих мер], налагаются на:
 - а) всякого, кто попытается скрыть от немецкой гражданской администрации или ее уполномоченных лиц любую часть имущества, либо помешать проведению конфискации, либо уменьшить ее объем.
 - б) всякого, кто намеренно или по небрежности не выполнит своей обязанности заявить об имуществе или не доложит или не сообщит [о нем] так, как приказано.

в) ...Если обвиняемый действовал исходя из желания оказать сопротивление, или в более тяжелых случаях, обвиняемый подлежит смертной казни...

[...]

11. Распоряжение вступает в силу в день опубликования⁶.

Для централизации использования еврейского имущества 1 декабря 1941 года Лозе издал указ о создании Опекунского управления (*Treuhandverwaltung*). Четыре филиала управления действовали в генералкомиссариатах Литва, Латвия, Эстония и «Белорутения» (куда входила часть Белоруссии)⁷.

Немецкой администрации было очень трудно получить информацию о еврейском имуществе, особенно о десятках тысяч еврейских квартир и их содержимом, захваченных чаще всего местной полицией и местными органами управления или местным населением. Обязанность регистрировать еврейское имущество была возложена на низший эшелон немецкой гражданской администрации – гебитскомиссаров. Они в свою очередь задействовали подчинявшиеся им органы местного управления, начальников городских управ (бургомистров) и сельских старост. В приказе гебитскомиссара Минского района, д-ра Ганса Кайзера, от 14 октября 1941 года говорится:

До 1 ноября 1941 г. должно быть заявлено все имущество жидовского населения. Заявлять обязан каждый, кто имеет жидовское имущество в пользовании или на хранении, а также каждый, кто, не будучи собственником, владельцем или не имея охранной расписки, распоряжается или может распоряжаться жидовским имуществом юридически или фактически. Поэтому я прежде всего требую заявления тех, кто взялся охранять еврейское имущество или завладел им иным способом. Обязаны заявлять районным бургомистрам⁸.

⁶ Verkündungsblatt des Reichskommissars für das Ostland (Oct. 24, 1941). Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Латвийской ССР. Ф. 18 (Generalkommissariat Riga). Оп. 1. Д. 2. Цит. по: *Мы обвиняем*. Рига: Лиесма, 1967. С. 72–73.

⁷ Письмо Опекунского управления в Минске от 23 июня 1942 года о конфискации еврейской собственности и о ее использовании: United States Holocaust Memorial Museum Archive (USHMMA), RG 53002-M, Reel 22.

⁸ Р. А. Черноглазова, *Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации 1941–1944*. Минск: издатели Я. Б. Дремач и Э. С. Гальперин, 1995. С. 69. Цит. с испр.

Три дня спустя, 17 октября 1941 года, Кайзер выпустил еще один приказ, объясняя, что «все имущество евреев является государственной собственностью»⁹. После приказа Кайзера начальник Минской районной управы М. Контовт дал следующее распоряжение: «Все имущество, оставшееся от евреев, доставить в комиссариат Минского округа до 25 октября 1941 г. Скот необходимо взять на учет и временно оставить на месте, согласно указаниям, данным на совещании»¹⁰. В распоряжении не говорилось о квартирах. Подобные приказы выпустили и другие гебитскомиссары¹¹. В приказе бургомистрам и сельским старостам в октябре 1941 года д-р Вальтер Альнор, гебитскомиссар района Лиенау, потребовал подать ему описи еврейского имущества и возложил на них ответственность за его сохранность. Сознавая сложность задачи и пытаясь поощрить отчетность, он добавил: «Я согласен выдать или даже продать за определенную плату малоценную домашнюю утварь беднякам и нуждающимся. Что же касается остального имущества, его использование [возможно] только с моего разрешения...» Далее он указывал, что в различных учреждениях в Лиенау не хватает мебели и других предметов обихода, поэтому необходимо воспользоваться оставленными евреями вещами, находящимися в городах и местечках округа¹².

Еврейское имущество и труд евреев использовались для содержания и оплаты деятельности гражданской администрации; гражданская администрация заботилась о том, чтобы доходы от имущества поступали в ее кассу. В начале августа 1942 года Лозе передал все полномочия Опекунского управления, касающиеся еврейской собственности, в руки д-ра Карла Фридриха Виалона, начальника финансового отдела рейхскомиссариата «Остланд»¹³. 27 августа 1942 года Виалон отправил генералкомиссарам приказ под названием «Управление еврейскими гетто». Этим приказом Виалон постановил, что любой вопрос, связанный с управлени-

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ Там же. С. 70. Цит. с испр.

¹¹ Yitzhak Arad, *Vilna ha-yehudit be-ma'avak u-ve-kilayon* (Tel Aviv: Sifriyat Ha-Poalim, 1976), pp. 146–147 (указ Ганса Хингста, гебитскомиссара Вильнюса).

¹² Архив Яд Вашем (АЯВ). JM 10606. М-33/1045.

¹³ Письмо от 11 августа 1942 года: USHMMA, RG-53002-M, Reel 22.

ем гетто, должен решаться политотделом рейхскомиссариата, — кроме тех, что касаются денег и собственности: ими ведает финансовый отдел рейхскомиссариата, согласно распоряжению Министерства оккупированных восточных областей. В приказе говорилось:

Министр оккупированных восточных областей передал заведование имуществом в руки бюджетного отдела... Золотые и серебряные вещи следует конфисковывать, регистрировать и отправлять в кредитную кассу Рейха в Риге и передавать в мое распоряжение... Их передача в Управление по использованию [ценностей] в Берлине (Verwertungsstelle) будет произведена централизованно, из Риги... Собранные одежда и ткани, не поступившие в отделы снабжения, будут переданы центральным и местным бюро компании Ostlandfaser GmbH. В случае продажи вещей следует немедленно перечислить полученную сумму на специальный счет финансового управления рейхскомиссариата... Не разрешается открывать для этого особые счета¹⁴.

Целью приказа Виалона было также проследить за тем, чтобы деньги от реализации еврейского имущества (или конфискованные у евреев) не оседали в руках генералкомиссаров в Минске, Каунасе и Риге, а переводились в кассу рейхскомиссариата. Опознание еврейского имущества и связанные с ним проблемы продолжали волновать глав гражданской администрации на оккупированных территориях СССР. 7 сентября 1942 года Министерство оккупированных восточных областей выпустило документ, направленный рейхскомиссарам «Украины» и «Остланда», об учете и реализации еврейского имущества, собственности советского государства и безхозного имущества. Документ этот излагает решения министра Розенберга от 18 июня 1942 года. В документе говорится, что для выявления имущества, еще не попавшего в руки гражданской администрации или других немецких учреждений, необходимо оповестить население — поместив объявления в печати или как-то иначе, — об обязанности сообщать об имуществе, оказавшемся в руках граждан и органов местного управления, под угрозой наказания за недонесение. Далее указывается, что необходимо создать для этих целей особую службу розыска,

¹⁴ Приказ «Управление еврейскими гетто»: АЯВ. О.53.161.

а немецкие учреждения, не относящиеся к гражданской администрации, обязаны докладывать рейхскомиссару об имуществе, находящемся в их руках. Для хранения еврейской собственности, а также других конфискованных предметов, следует построить специальные склады, где будет вестись подробная регистрация вещей. Далее документ скрупулезно объясняет, в какие центральные органы в Берлине следует переправлять имущество, что рейхскомиссарам разрешается оставить органам местной власти (мебель и домашнюю утварь), а что следует продать (одежду, ткани и т. д.). Средства, вырученные от продажи драгоценных металлов в Берлине, поступят в кассу Министерства оккупированных восточных областей¹⁵.

14 октября 1942 года Лозе издал исполнительное распоряжение по поводу еврейского имущества. В нем говорилось, что все еврейское имущество, находящееся в руках неевреев, и платежные требования евреев к третьим лицам считаются конфискованными в пользу немецкой гражданской администрации, а те, кто должен евреям деньги, обязаны об этом сообщить. Таким образом гражданская администрация объявлялась владельцем всего, что еврей еще не получил, но должен был получить от любого частного лица (нееврея). Распоряжение Лозе устанавливало, что все организации, в том числе немецкие и местные органы власти, пользующиеся имуществом или строениями, принадлежавшими евреям, обязаны об этом сообщать¹⁶. Лозе пытался подчеркнуть, что только гражданская администрация вправе конфисковывать и хранить имущество, деньги и ценности, принадлежавшие евреям (а не, например, органы СС или армия). Гражданская администрация распространила циркуляр и анкету, в которой организации должны были указать, какая еврейская собственность или какое безхозное имущество находятся в их руках¹⁷.

В рейхскомиссариате «Украина», власть которого распространялась на Полесье, Волынь и украинское Приднепровье, были те же проблемы с поиском и конфискацией еврейской собствен-

¹⁵ В. И. Адамушко, Г. Д. Кнатько, Н. А. Редкозубова (сост.) *«Нацистское золото» из Беларуси: Документы и материалы*. Минск: Национальный Архив Республики Беларусь, 1998. С. 114–117.

¹⁶ «Приказ о еврейском имуществе»: АЯВ. JM 10606. М-33/1049.

¹⁷ Документ КДО в Латвии от 22 декабря 1942 года: АЯВ. JM 10606. М-33/1049.

сти, что и в рейхскомиссариате «Остланд». В «Украине» немецкая документация по теме еврейской собственности не так обширна, как в «Остланде». Разница заключается не в характере собственности или подходе к ней, а в меньшем количестве бумаг, написанных по этому поводу, и вытекает из личностных особенностей рейхскомиссаров. В отличие от бюрократа Лозе, изучавшего каждую деталь и написавшего множество документов, рейхскомиссар «Украины» Эрих Кох мало занимался бумагами и не слишком вникал в подробности¹⁸. Рауль Хилберг так пишет об «Украине»:

В «Украине»... рейхскомиссар Кох был куда менее амбициозен в своих усилиях по сбору еврейского имущества. 7 сентября 1942 года Кох получил от Министерства восточных областей директиву конфисковать всю еврейскую и бесхозную собственность... Кох ответил, что этот указ неосуществим «политически и организационно». [По его словам] ценности «и особенно золото» он у евреев уже конфисковал. Остальное еврейское имущество состоит в основном из мебели, частью которой пользуется его учреждение, а часть по его приказу сожжена. «Составлять сейчас списки, – писал он, – собирать банковские счета, когда они порой уже не существуют, оплачивать еврейские долги, – это, на мой взгляд, необоснованное требование, которое невозможно выполнить в военное время»¹⁹.

В зонах военной администрации, включавших в себя Восточную Белоруссию (кроме городов Минск и Слуцк), большую часть Левобережной Украины и оккупированные территории Российской Федеративной Республики, все, что касалось еврейского имущества, находилось в ведении Хозяйственного штаба «Восток» и его филиалов в различных городах и округах. Там тоже возникали проблемы; другие структуры конфисковывали и присваивали себе еврейскую собственность и имущество советской администрации. Приказ генерала Макса фон Шенкендорфа, командующего тылом группы армий «Центр», от 10 октября 1941 года гласил:

¹⁸ Даллин определяет методы работы Лозе как «поток директив, приказов и указов, насчитывавших тысячи страниц...» (Dallin, *German Rule in Russia*, p. 186). Даллин пишет также, что Кох меньше интересовался происходившим в «Украине», и отмечает (p. 127), что будучи рейхскомиссаром, Кох выбрал своей резиденцией Ровно, а не Киев, столицу Украины.

¹⁹ Hilberg, *Destruction*, p. 365.

Конфискация еврейского и вражеского имущества.

*Еще раз подчеркиваю, что в вопросах конфискации или других действий с имуществом любого рода, будь то имущество еврейское, вражеское, в прошлом принадлежавшее Германии или экспроприированное Советами, – единственным полномочным органом остается Хозяйственный штаб «Восток»...*²⁰

Изъятие еврейских денег и собственности

Одним из первых способов изъятия еврейских денег и ценностей были контрибуции. Немецкие власти – военные и гражданские – приказывали юденратам за очень короткий срок собрать у евреев определенную сумму, деньгами или ценностями, и передать им. Евреи называли этот сбор «контрибуцией». Контрибуции преследовали две цели: прежде всего, отобрать у евреев деньги, нанести им ущерб, разорить их; и в то же время использовать собранное как ближайший и легчайший источник дохода немецкой администрации, средства на текущие расходы. Часть отобранных денег (суммы определялись произвольно, поскольку выплаты эти не регистрировались и квитанции об их получении не выдавались) попадала в карманы сборщиков, особенно золото и драгоценности. Характерный пример – контрибуция, наложенная на евреев Вильнюса.

Франц Мурер, «эксперт по еврейским делам» гебитскомиссариата Вильнюса, 6 августа 1941 года пригласил представителей юденрата и сообщил им, что до 9 часов утра следующего дня они должны передать ему сумму в два миллиона рублей или ее эквивалент в золоте, а до конца дня – еще три миллиона рублей. Он отметил, что если завтра в указанное время представители юденрата явятся без денег, остальным членам юденрата придется прийти час спустя для получения тел представителей. Информация о штрафе была передана остальным членам юденрата и быстро распространилась среди евреев города. В городских районах организовались комитеты и приступили к сбору денег, золота и драгоценностей. Евреи были напуганы; сбор такой огромной суммы для населения, разоренного войной и советской властью, был исключительно трудной задачей. Вдобавок сделать это следовало в чрезвычайно ограниченные сроки, а передвигаться по

²⁰ «Приказ о конфискации еврейского имущества»: АЯВ. JM 13084. О-51/310.

улицам евреям разрешалось только до шести часов вечера. До назначенного Мурером срока было собрано 667 000 рублей и полкилограмма золота, золотых часов и бриллиантов. Многие евреи верили, что эти деньги обеспечат их существование и поспособствуют возвращению тысяч арестованных евреев, судьба которых была неизвестна. Собранную сумму передали Муреру в назначенное время. Ему сообщили, что сбор денег продолжается. Двое из трех членов юденрата, доставивших деньги, были арестованы. После угроз и переговоров Мурер согласился увеличить срок до нескольких дней. В итоге в его руки было передано 1 490 000 рублей, 16,5 килограммов золота и 189 часов. Никаких квитанций об их получении выдано не было. Встречи Мурера с членами юденрата происходили на улице, неподалеку от здания гражданской администрации²¹. Метод взыскания контрибуции, встречи на улице, без свидетелей и без регистрации, – все это безусловно указывает на то, что часть денег (возможно, большая) осела в карманах членов гражданской администрации.

В Барановичах 18 июля военная администрация приказала евреям собрать пять килограммов золота, 10 килограммов серебра и миллион рублей. Гражданская администрация, в руки которой власть перешла в августе, приказала юденрату собрать еще 2 миллиона рублей²². На евреев Бреста была наложена контрибуция в 5 миллионов рублей, на евреев Пинска – в 20 килограммов золота, на евреев Ровно – в 12 миллионов рублей²³. Во Львове евреев обязали заплатить 20 миллионов рублей, – эта сумма якобы требовалась для восстановления зданий, разрушенных в результате развязанной евреями войны²⁴. Евреи Минска обязаны были заплатить городской управе контрибуцию в 300 000 рублей, – якобы для покрытия расходов на переселение евреев в гетто^{25, 26}. В Бо-

²¹ Arad, *Vilna ha-yehudit*, pp. 92–94.

²² A. S. Stein (ed.), *Baranoviz: Sefer zikaron* (Tel Aviv: Irgun yozei Baranoviz be-Yisrael, 1953), pp. 516–517.

²³ Shmuel Spektor (ed.), *Pinkas ha-kehilot – Polin: Vohlin ve-Polesia* (Jerusalem: Yad Vashem, 1990), vol. 5, pp. 198, 236, 295–296; Y. Gutman (ed.), *Ha-Enziklopedia shel ha-Shoa* (Jerusalem & Tel Aviv: Yad Vashem & Sifriyat Ha-Poalim, 1990), vol. 1, p. 240.

²⁴ Eliyahu Yones, *Yehudim be-Lvov bi-ikufat Milhemet ha-Olam ha-Shniya ve-ha-Shoa*, dissertation (Jerusalem: Hebrew University in Jerusalem, 1993), p. 68.

²⁵ Hirsh Smolar, *Yehudim sovyetim meahorei gderot ha-geto* (Tel Aviv: Moreshet & Sifriyat Ha-Poalim, 1984), pp. 23, 53; Василий Гроссман и Илья Эренбург (ред.), *Черная Книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчи-*

рисове, в Восточной Белоруссии, евреям было приказано выплатить властям 300 000 рублей. В Днепропетровске на евреев была наложена подать в несколько миллионов рублей^{27, 28}. В Харькове на евреев были наложены несколько контрибуций, каждый раз требуемая сумма возрастала²⁹. В Орше, в Восточной Белоруссии, евреям было приказано выплатить властям 150 000 (по другим источникам – 250 000) рублей³⁰. Подобные контрибуции были наложены на евреев во многих городах и местечках на оккупированных территориях, например, в Дрогичине, Кобрине и Луцке.

Хотя гражданская и военная администрации считали себя единственными хозяевами еврейского имущества, на практике все немецкие органы власти, действовавшие на оккупированной территории, отнимали у евреев силой или угрозами, иногда через юденраты, различные вещи для собственного пользования. Юденраты, понимавшие, что существование евреев зависит от этих структур и предоставляемой ими работы, вынуждены были выполнять их требования. Об этом свидетельствует уникальный документ, составленный юденратом Бреста (Западная Белоруссия). В документе перечисляются организации, которые требовали и получили различные предметы из еврейского имущества, указывается, какие предметы они получили и сколько они стоили. Документ на немецком языке озаглавлен: «Платежи юденрата Брест-Литовска немецким учреждениям с 5 октября 1941 года по 10 февраля 1942 года». В документе указаны восемь немецких учреждений, по-

ками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях уничтожения Польши во время войны 1941–1945 гг. Иерусалим: Тарбут, 1980. С. 136.

²⁶ «Заем в 30 000 червонцев», разумеется, был только первой контрибуцией, взятой немцами с евреев Минска; уже в сентябре 1941 евреев Минска заставили сдать 11 килограммов золота и один миллион рублей. – *Примеч. ред.*

²⁷ *Черная Книга*. С. 65. О Днепропетровске сказано, что 26 сентября 1941 года евреям было приказано собрать 30 миллионов рублей. Сумма эта представляется чрезмерно большой; возможно, в оригинале допущена ошибка.

²⁸ Сумма контрибуции в «3 млн рейхсмарок = 30 млн рублей» названа не только в «Черной Книге», но и в приказе немецкого коменданта Днепропетровска от 2 октября 1941 года – см.: Илья Альтман. *Жертвы ненависти*. М., 2002. С. 139. В довоенном Днепропетровске проживало около 90 000 евреев – в три раза больше, чем в Ровно, и почти столько же, сколько во Львове. – *Примеч. ред.*

²⁹ И. Альтман, И. Арад и др. (ред.), *Неизвестная Черная книга*. Москва, Иерусалим: ГАРФ и Яд Вашем, 1993. С. 86.

³⁰ *Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белорусской ССР*. Минск: Государственное издательство БССР, 1947. С. 155–156, 176.

лучивших еврейское имущество; некоторые из них были частью гражданской администрации, а некоторые нет: генералкомиссариат, СС, штадткомиссариат, армия, гебитскомиссариат, управление сельским хозяйством округа (*Kreiswirtschaft*), бюро по трудоустройству (*Arbeitsamt*) и другие учреждения (вероятно, городская управа, местная полиция и пр.) Этим организациям были переданы 115 предметов, распределенных в документе на 6 категорий: мебель, постельное белье, посуда и кухонные принадлежности, рабочий инвентарь, обувь и обувные принадлежности, зимняя одежда. Указана цена каждого предмета. Все вместе они были оценены в 293 560 рейхсмарок, что равнялось 2 935 600 рублей. В эту сумму включена и стоимость предметов, переданных немецким органам власти с июля по сентябрь 1941 года³¹. Все находившиеся в Бресте немецкие учреждения и частные квартиры служащих были почти полностью обставлены отобранными у евреев вещами. Наличные деньги у брестских евреев отобрали в начале оккупации, вынудив их заплатить контрибуцию в 5 миллионов рублей. Суммы и предметы, перечисленные в этом документе, не включали в себя квартиры и их обстановку, оставленные евреями после переселения в гетто в ноябре – декабре 1941 года. Сюда также не входит имущество брестских евреев, уничтоженных во время ликвидации гетто в октябре 1942 года. Нет возможности полностью оценить масштаб награбленного даже в пределах Бреста. Подобная судьба постигла еврейское имущество почти во всех городах и местечках оккупированных территорий СССР.

25 сентября 1941 года, через несколько недель после переселения евреев в гетто, управа Вильнюса передала гебитскомиссару города отчет о конфискации 429 еврейских домов, 71 мастерской и т. д. Отчет был неполон; в нем говорилось, что сведения о домах, участках, мебели, одежде, рабочем инвентаре и прочем будут представлены в ближайшее время³². В другом отчете из Вильнюса, от 22 октября 1941 года, указывается, что из места расстрела в Понарах (Панярай) на вильнюсский склад Центрального бюро сырья поступили вещи и одежда общим весом в 6 350 килограммов³³. 17 декабря 1942 года, согласно приказу Виалона, цитировав-

³¹ Список конфискованного имущества евреев Бреста: АЯВ. О.51.333.

³² E. Rozauskas, *Documents Accuse* (Vilnius: Gintaras, 1970), pp. 225–226.

³³ *Ibid.*, p. 227.

шемую выше, гебитскомиссар Вильнюса передал рейхскомиссару в Риге около 1 200 золотых изделий, в том числе 516 обручальных колец, и около 228 золотых рублевых монет и 19 долларовых³⁴. 2 июня 1942 года гебитскомиссар Глубокого Петерсен переправил генералкомиссару Белоруссии 4 килограмма 267 граммов золота. 2 июля 1942 года Петерсен отправил новую порцию золота – 3 килограмма 69 граммов, 20 золотых рублей царской чеканки и 210 золотых долларов³⁵.

После присоединения Львова к Польскому генерал-губернаторству в городе тут же появились немецкие экономические компании и немецкие предприниматели, получившие от немецких властей города разрешение конфисковывать еврейские квартиры со всем их содержимым, выселяя владельцев. Как правило, речь шла о больших квартирах состоятельных евреев. Мауриций Аллерханд, профессор Львовского университета и один из руководителей еврейской общины города в 20-е годы, квартира которого была конфискована частной немецкой фирмой, записал в своем дневнике:

6 августа 1941 в моей комнате появился некий господин... прочел из бумажки, которую держал в руках: «Квартира конфискована. Разрешается взять только верхнюю и нижнюю одежду, золотые и серебряные вещи. Все остальное следует оставить». Потом сказал, что следует сдать квартиру завтра до полудня, иначе вмешается полиция, и добавил: «И тогда вы из нее уедете в худшем виде...» Господин, принесший сообщение об аресте квартиры, был управляющим венской компании «Компос»... В моей квартире была библиотека в тысячи томов... множество ценнейших произведений, отсутствовавших в других библиотеках... Были в моей квартире следующие картины [следует описание десятков полотен с указанием имен художников и названий]... Мебель в квартире была стильной, у меня было больше десятка персидских ковров... Люстра в салоне была старинной, венецианской. В серванте стояло множество японских статуэток... бронзовые статуи³⁶.

В дневнике другого львовского еврея, Шмуэля Чортковера,

³⁴ Ibid., p. 266.

³⁵ Черноглазова, *Трагедия евреев Белоруссии*. С. 73, 75

³⁶ Bella Guterman (ed.), *Be-vo ha-eima: Yehudei Lvov tahat ha-kibush ha-germani (dapei edut, yuni 1941 – april 1942)* (Tel Aviv: Tel Aviv University, 1991), pp. 38–41.

описан грабеж еврейского имущества, сопровождавший акцию декабря 1941 года и переселение евреев в гетто:

Подъехали два грузовика в сопровождении двух подразделений Шупо (местной полиции) во главе с майором. Они делятся на несколько подразделений и проникают в дома... Заходят в каждую квартиру под предлогом поиска иностранной валюты. Перепуганных хозяев выставляют в другую комнату, а сами в течение двух-трех часов педантично переворачивают оставшееся имущество. Конечно, сносят в грузовики чемоданы, серебро, подсвечники, столовые приборы, постельное белье, жиры, копчености... Жильцы, любого возраста и пола, вынуждены раздеваться догола для личного досмотра. Их самих заставляют сносить самые тяжелые мешки...³⁷

Грабеж еврейской собственности продолжался и после переселения владельцев в гетто. Разными методами достигался неизменный результат: имущество евреев отбиралось. В Каунасе власти дали евреям месяц для переселения в гетто и разрешили взять все свои вещи. Великодушные немецкой администрации было временным и, видимо, удобным для нее: ведь куда легче конфисковать еврейские вещи в гетто, чем собирать их по тысячам квартир, разбросанным по всему городу. Через несколько дней после переселения в гетто, 19 августа 1941 года, команды немецкой и литовской полиции начали обыски, – и в течение двух недель обыскали каждый дом в гетто. Они отбирали у владельцев деньги, золотые и серебряные драгоценности, хорошие носильные вещи, белье, обувь, электроприборы, медицинское оборудование, мебель и все, что им нравилось. Все это было отвезено в город и помещено в здания нескольких синагог, превращенных в склады. Лейб Гарфункель, свидетель этих обысков, писал:

Во время обысков немцы вели себя со страшной грубостью и жестокостью... Всех женщин немцы согнали в одну комнату, заставили их раздеться и проверяли, не спрятали ли они чего на теле. Некоторым женщинам солдаты устроили «гинекологическую» проверку... В последние дни обыска солдатам уже недостаточно было избивать, каждый день они убивали нескольких евреев, якобы что-то скрывших... Они делали это, чтобы вселить в евреев страх, чтобы евреи отдали все, что у них еще осталось... 6 сентября [комендант

³⁷ Ibid., p. 77.

гетто от гебитскомиссариата] Йордан потребовал от «эльтестенрата» немедленно прислать к нему нескольких представителей... Он встретил их в ярости... «Вы, евреи гетто, должны были сдать нам все имущество... Приказываю вам немедленно передать вашим, чтобы сами несли в «эльтестенрат»... все оставшиеся у них деньги и ценности... Разрешается оставить только 100 рублей (10 марок) на семью... Спрятавший любую ценную вещь будет расстрелян, если ее найдут, а с ним сто евреев из его соседей... У гетто есть две возможности: расстаться с жизнью или расстаться с имуществом». До вечера следующего дня тысячи евреев поспешили избавиться от дорогих им вещей... Память о близких и семье, об отцах и матерях, дедушках и бабушках... Часы, кольца... дорогие картины, ковры, фотоаппараты... кучи бумажных денег и иностранной валюты... Целый день группами приходили люди из СА, из городской администрации, группа за группой, на машинах, и в руках у них большие чемоданы. Они наполняли чемоданы вещами евреев. Гестапо и другие немецкие учреждения... до их ушей дошли слухи о гигантском «универмаге» в гетто. Они стали появляться в гетто десятками, приходили в места сбора... Якобы просто из любопытства... На самом деле их целью было взять что-нибудь себе...³⁸

В Евпатории, в Крыму, евреям было приказано сдать все ценности и деньги, оставив 200 рублей на человека. Приказ заканчивался словами: «...за невыполнение – расстрел»³⁹.

Происходившее во Львове, Каунасе, Евпатории и во многих других гетто можно считать «официальным грабежом», грабежом властей. Одновременно совершался и «частный грабеж». Немецкая полиция и солдаты врываются по ночам в гетто и расхищали то небольшое, что еще оставалось у евреев. Гирш Смоляр пишет о минском гетто: «...Но самыми ужасными были ночные вылазки... отдельные группы немецких военных – грабители, – начали все чаще и чаще навещать гетто по вечерам. Они врываются в дома, устраивали обыски и грабили все, что попадалось им под руку»⁴⁰.

³⁸ Leib Garfunkel, *Kovna ha-yehudit be-hurbana* (Jerusalem: Yad Vashem, 1959), pp. 59–61. Гарфункель был среди членов «эльтестенрата», вызванных к Йордану. См. также: Yosef Gar, *Umkum fun der Yidishe Kovne* (Minkhen: Farband fun Litvishe yidn in der Amerikaner zone in Daitshland, 1948), pp. 57–60.

³⁹ *Черная Книга*. С. 251.

⁴⁰ Smolar, *Yehudim sovyetim*, p. 36.

В свидетельстве о происходившем в Харьковском гетто, существовавшем непродолжительное время в бараках тракторного завода, говорится:

Грабежи и убийства были повседневным явлением. Обычно немцы врываются в комнаты под предлогом поисков оружия и грабили, что им вздумается. При сопротивлении людей вытаскивали во двор и расстреливали. За день до Рождества и Нового Года [1942] от нас потребовали, чтобы мы собрали для охранявшего нас караула продукты для устройства вечеринок, деньги на покупку водки. Нищие, полуголодные люди отрывали от своих детей последний кусок сахара или сала и отдавали грабителям на устройство вечеринок. Мало этого. Почти ежедневно гитлеровские негодяи требовали, чтобы им доставляли то часы, то отрезы дорогой мануфактуры. Требования эти выполнялись, так как подкреплялись угрозой расстрела⁴¹.

Особой главой в истории грабежа еврейской собственности был сбор мехов для немецкой армии. Немецкая армия оказалась не готова к зимней войне. Наступление Германии на СССР основывалось на предположении, что победа и разгром советского государства произойдут до зимы 1941/42 годов, и поэтому в армии не было зимнего обмундирования. В конце декабря 1941 года Геббельс обратился к немецкому народу и другим народам Европы с воззванием о пожертвовании меховых вещей или мехов, из которых можно сшить меховые пальто для армии. В то время как к немецкому и другим народам обращались с просьбой о добровольных пожертвованиях, евреев обязали отдать все меха, а в некоторых местах и другие предметы зимней одежды, в течение считанных дней и под угрозой расстрела. Указания о сборе мехов давали юденраты⁴². О воззвании Геббельса писал в своем дневнике Герман Крук, и даже приложил к дневнику оригинал воззвания на немецком. Вот как он описывает сбор мехов в Вильнюсском гетто:

27 декабря [1941 года]... сегодня в полдень в гетто пришла группа немцев, и сразу после этого еврейская полиция стала ходить из дома в дом и сооб-

⁴¹ *Неизвестная Черная книга*. С. 87–88.

⁴² Для примера см. воззвание от 4 января 1942 года за подписью председателя львовского юденрата, д-ра Ротфельда (*Be-vo ha-eita*, p. 201).

*щать: все меха, меховые воротники и любые другие меховые вещи необходимо сдать в юденрат в течение получаса. За невыполнение – смертная казнь. Сразу после этого жители начали носить [меха], и в восемь вечера здание было наполнено меховыми шубами и другими меховыми вещами... На улице можно видеть людей, у которых на воротники пальто нашита ткань вместо меха...*⁴³

Еврейское имущество служило источником дохода и средством для оплаты деятельности бургомистров, назначенных немецкими властями. Бургомистр Киева, В. Багазий, опубликовал 27 ноября 1941 года обращение к жителям города, касающееся еврейского и бесхозного имущества. В обращении говорится, что до 16 декабря 1941 года жители города обязаны подробно оповестить, в письменном виде, о еврейском или бесхозном имуществе, которое находится в их руках. В сообщении указываются виды имущества: мебель, одежда, домашняя утварь, книги и т. д. Жителей просили также указать, какие вещи они заинтересованы приобрести для себя: от имени управы специальная комиссия оценит стоимость этих вещей и жители смогут внести в городскую кассу деньги за нужные им предметы. Те же, кто не сообщит о вышеуказанном имуществе, будут сурово наказаны. Имущество, находящееся в руках местных жителей, но не выкупленное ими, должно быть сдано управе. Комиссия управы оценит и возвращенные населением вещи, которые будут выставлены на распродажу⁴⁴.

Процедура установления прав на собственность, оставленную евреями в квартирах, и решения, кто получит ее денежную стоимость, не везде была одинаковой. В Киеве, как следует из приказа бургомистра, немецкие власти разрешили управе использовать вырученные от распродажи деньги. В Белой Церкви (тоже на Украине) управе было приказано 15 октября 1941 года собрать всю одежду, постельное белье, рабочий инвентарь и прочее еврейское имущество и передать его в местную комендатуру⁴⁵.

В районах военной администрации, в которых евреев уничтожали, власти пользовались оставшимися после евреев деньгами

⁴³ Herman Kruk, *Togbukh fun Vilner geto* (New York: YIVO, 1961), pp. 102–103.

⁴⁴ АЯВ. М-52/205.

⁴⁵ АЯВ. М-52/198.

и ценностями для финансирования своей деятельности. Правила требовали, чтобы наличные деньги оставались в руках военной администрации, а ценности передавались в Рейхсбанк в Берлине. Центральный банк возвращал местной администрации стоимость этих ценностей наличными. Капитан Пауль Айк, офицер особого назначения при фельдкомендатуре города Орша в Белоруссии, рассказал во время процесса:

*Деньги никуда не отправлялись. Они оставались в управлении города... Управление гор. Орши не имело никаких средств, а деньги там были нужны... Полевая комендатура мне приказала направить золото, серебро и другие ценности в Берлин на счет управления гор. Орши... Управление гор. Орши могло получить деньги в банке гор. Минска...*⁴⁶

Во многих местах в обращенных к евреям приказах, требовавших собраться для «переселения» (а на самом деле – марша к месту расстрела), говорилось, что евреи должны взять с собой все имеющиеся у них деньги и ценности, которые понадобятся им на новых местах. В Ростове в подобном объявлении было написано следующее: «Евреям предлагается взять с собой свои ценности и наличные деньги». В Крыму евреям Феодосии было приказано вернуться с места сбора в свои дома, чтобы взять с собой припрятанные в квартирах ценности. То же самое происходило и в других местах⁴⁷. В местах сбора людям, еще не понимавшим, что их ожидает, приказывали сдать деньги и ценности, угрожая немедленным расстрелом, вместо «переселения». Абрам Шмойш, оказавшийся в гетто в местечке Мурованые Куриловцы, к юго-западу от Винницы, в своем свидетельстве рассказывает:

[На площади, на которой собрали евреев] эсэсовцы развернули два мешка. Они объявили, что[бы] все имеющиеся у нас драгоценности, часы мы бросали в мешки – в пользу немецкой армии. И люди снимали кольца, серьги, браслеты, бросали ценности, ибо предупредили, что если у кого-то что-то найдут, его расстреляют... Когда приток драгоценностей прекратился, эсэсовцы схватили... Ицика Пришкольника, приказали ему раздеться догола, обыскивали

⁴⁶ Судебный процесс по делу о злодеяниях. С. 155–156.

⁴⁷ Лев Гинзбург, *Бездна*. М.: Советский писатель, 1967. С. 65–66. Об уничтожении евреев Гайсина, Винницкой области, см.: АЯВ. М-33/76, М-33/78, М-33/224.

его – искали везде, в голове, ощупывали одежду, затем разрешили одеться. А нам объявили, что каждого будут так раздевать и обыскивать. Люди стали бросать в мешки все, что у них еще осталось. Через некоторое время один из эсэсовцев сказал: «Я думаю, что вы все отдали для немецкой армии». Мешки завязали и погрузили на машины⁴⁸.

Подобные способы изъятия денег и ценностей представители немецкой администрации применили и в Бердичеве, и во время большинства акций уничтожения⁴⁹.

Часть денег и имущества, отнятых у евреев во время акций уничтожения, не попала в руки военной или гражданской администрации, а осталась у проводивших расстрелы айнзатц-групп. Деньги и ценности они, как правило, передавали в РСХА (Главное управление безопасности Рейха) в Берлин. Иногда, особенно в первый период оккупации, айнзатцгруппы передавали деньги и ценности в Центральное трофейное управление Рейха (*Reichshauptkasse Beutestelle*). Военные части, принимавшие участие в акциях уничтожения и в разграблении еврейской собственности, а также члены военной администрации, в руки которых попали деньги и ценности убитых евреев, тоже передали часть награбленного в Центральное трофейное управление Рейха⁵⁰. В отчетах айнзатцгрупп говорится не только об убийстве евреев, но и о еврейском имуществе и деньгах. В отчете айнзатцгрупп от 13 июля 1941 года об уничтожении евреев Вильнюса сказано: «В день ликвидируются примерно 500 евреев. Около 460 000 рублей, а также многие ценности, принадлежавшие евреям, “подвергнутым особому обращению” (*Sonderbehandlung*), конфискованы как имущество врагов Рейха»⁵¹.

В отчете айнзатцгрупп от 26 октября 1941 года говорится, что подразделение зондеркоманды 7b располагает 46 000 рублей, оставшимися от расстрелянных евреев. Айнзатцкоманда 8 за вре-

⁴⁸ Свидетельство Абрама Шмойша: АЯВ. ОЗ/7064.

⁴⁹ АЯВ. М-33/114. ОЗ/3133. Л. 14.

⁵⁰ Martin Dean, “Research Note. Jewish Property Seized in the Occupied Soviet Union in 1941 and 1942: The Records of the ‘Reichshauptkasse Beutestelle’” // *Holocaust and Genocide Studies*, vol. 14, № 1 (Spring 2000), pp. 83–101. В статье приводятся детальные отчеты о деньгах и ценностях, поступивших в Центральное трофейное управление Рейха.

⁵¹ Yitzhak Arad, Shmuel Krakowski & Shmuel Spektor (eds.), *The Einsatzgruppen Reports* (New York: Holocaust Library, 1989), pp. 22–23.

мя своей деятельности на оккупированной территории СССР конфисковала 2 019 521 рубль. Другие отчеты сообщают о конфискациях в десятки и сотни тысяч рублей⁵².

Вещи, оставленные жертвами на местах расстрела или в квартирах, как правило, отправлялись айнзатцгруппами для раздачи этническим немцам (фольксдойче), проживающим на территории СССР⁵³. Вопросы, касающиеся фольксдойче, решались Гиммлером и отделом при командовании СС (ФoМи – от *Volksdeutsche Mittelstelle*), ответственным за всех фольксдойче во всех странах оккупированной Европы.

В отчете от 4 октября 1941 года говорится о бедности в среде фольксдойче, проживающих между Днестром и Южным Бугом (в так называемой «Транснистрии»⁵⁴). В отчете указывается, что действовавшая там айнзатцгруппа «Д» передала в распоряжение фольксдойче еврейские квартиры и мебель, а также детские кровати и другие необходимые вещи⁵⁵. И в отчете айнзатцгрупп от 7 октября 1941 года по поводу уничтожения 33 771 еврея в Киеве и 3 145 евреев в Житомире говорится о том же⁵⁶.

В отчете айнзатцгрупп от 16 января 1942 года говорится, что после уничтожения зондеркомандой 4а 1 538 евреев в Полтаве их одежда была передана бургомистру, который распределил ее прежде всего между фольксдойче⁵⁷. Об этом идет речь и в отчете комендатуры города Николаева (ортскомендатуры номер I/853) от конца сентября 1941 года. В отчете сказано, что одежду вывезенных (то есть убитых) евреев Зипо распределила между нуждающимися фольксдойче и украинцами. Бургомистру было приказано конфисковать квартиры евреев, часть вещей передать армейским частям, а квартиры – не имеющим жилья фольксдойче⁵⁸.

⁵² *The Einsatzgruppen Reports*, pp. 208, 235 (донесения EM UdSSR-125 и EM UdSSR-133 соответственно).

⁵³ Фольксдойче (букв. «этнические немцы») – потомки немецких колонистов, поселившихся в России в XVIII–XIX веках. Число фольксдойче на Украине накануне Второй мировой войны достигало около 400 000.

⁵⁴ Транснистрия – румынское название территории между Днестром и Южным Бугом, аннексированной в августе 1941 года Румынией. – *Примеч. ред.*

⁵⁵ *Einsatzgruppen Reports*, p. 169 (EM UdSSR-103).

⁵⁶ *Ibid.*, p. 174 (EM UdSSR-106).

⁵⁷ *Ibid.*, p. 281 (EM UdSSR-156).

⁵⁸ Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-1729.

Деньги и ценности, отнятые у евреев айнзатцгруппами во время акций и переселения евреев в гетто и описанные в отчетах об их передаче в Берлин, были в действительности лишь частью имущества жертв. Немало денег и ценностей осталось в руках членов айнзатцгрупп, немецкой и местной полиции. Леонид Лангерман из местечка Пиков Винницкой области рассказал в своем свидетельстве следующее:

...Украинская полиция приходила почти каждый день в один – два дома, должны были ограбить, за счет этих ограблений был открыт магазин. Продавали это все украинцам за бесценок и деньги просто пропивали. Может все или не все, может, какую-то часть отправляли Калиновскому районному начальству, не исключено, но значительную часть пропивали, потому что эта украинская комендатура, полиция ходила редко когда не пьяная, не выпившая, редко когда... и под этим настроением они выполняли свою службу, то есть грабили, били⁵⁹.

В Харькове, когда евреев вели на расстрел, полицейские требовали у них ценности, ломали и отрубали пальцы, чтобы снять золотые кольца, и срывали у живых людей золотые коронки с зубов. Грабежом евреев не брезговал и старший командный состав. Комиссия при Бюро контроля бухгалтерии Рейха обнаружила в кабинетах, которые занимал гауптштурмфюрер СС Ганс Крюгер, командир Зипо и СД округа города Станислав (ныне Ивано-Франковск), деньги и ценности, припрятанные Крюгером и его людьми. В отчете комиссии говорится:

Вопиющий случай имел место в филиале Станислава, Галиция. Конфискованные деньги и украшения удерживались там в больших количествах. Уполномоченные служащие бюро контроля обнаружили во время проверки [рабочих] кабинетов служащего администрации – секретаря полиции, в ящиках и различных емкостях, в письменных столах и т. д. большие суммы наличных денег, включая золотые монеты и ассортимент иностранных монет – среди прочего 6 000 долларов, – а еще полные ящики дорогих украшений, конфискованных незаконно и незарегистрированных. На некоторых вещах была записка, из которой можно было понять происхождение имущества, но к большинству вещей не прилагались никакие документы и невозможно было установить, что

⁵⁹ АЯВ. ОЗ/7201. Л. 23.

*это и откуда. Бюро контроля вынуждено было удовлетвориться определением точной стоимости найденного, чтобы предотвратить дальнейшее сокрытие имущества. Только наличных денег там было 584 195 злотых. К этому следует прибавить драгоценности, точную стоимость которых установить невозможно, хотя речь здесь идет о сотнях тысяч марок*⁶⁰.

Айнзатцгруппы действовали в секторе ответственности армии, и армия тоже хотела получить свою долю ценностей уничтоженных евреев. Генерал Отто Вёлер, начальник штаба 11-й армии, действовавшей в Крыму, обратился к находившейся в его секторе айнзатцгруппе «Д» с вопросом о судьбе часов убитых евреев. В письме к командиру 11-й армии от 12 февраля 1942 года командир айнзатцгруппы «Д» Отто Олендорф ответил так:

- 1. Часы, конфискованные во время антиеврейской акции... имеющие ценность (золотые и серебряные), были, согласно приказу, отправлены в казначейство в Берлине. Остальные часы, ценность которых невелика... были предоставлены служащим вооруженных сил (офицерам и рядовым) и членам айнзатцгруппы «Д» за символическую плату или в качестве подарка, в зависимости от каждого конкретного случая.*
- 2. Деньги, отнятые во время антиеврейской акции, были, как положено, зарегистрированы и отправлены в кредитный банк Рейха... за исключением маленькой суммы на текущие расходы (зарплаты и т. д.)*⁶¹.

Этот ответ не удовлетворил штаб 11-й армии. Во время телефонного разговора от Олендорфа потребовали доставить часы, имеющиеся в его распоряжении. В следующем письме от того же 12 февраля 1942 года Олендорф отвечает штабу:

*В телефонограмме от коменданта города Симферополя мне сказали, что главнокомандующий [армией] требует часы, оставшиеся после антиеврейской акции, которые еще находятся у нас, для пользования ими в официальном порядке. В связи с этим я передаю армии 120 починенных часов. Оставшиеся 50 часов все еще находятся в ремонте, часть из них возможно починить... Прошу сообщить, нуждается ли армия в остальных часах*⁶².

⁶⁰ Dieter Pohl, "Hans Krüger and the Murder of the Jews in the Region of Stanisławów (Galicia)" // *Yad Vashem Studies*, vol. XXVI (1998), pp. 258–259.

⁶¹ Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-631.

⁶² Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-3238.

В ответ на вопрос, нуждается ли армия в остальных часах, на документе от руки написано «да».

Немецкие власти раздавали еврейское имущество и своим пособникам в борьбе против советских партизан, особенно пострадавшим в результате этого пособничества. В немецком документе от 12 ноября 1943 года говорится, что среди пострадавших от партизан и обратившихся за помощью был некий Г. Тарасюк, получивший из еврейского имущества 2 халата, два женских пальто и пр., всего 26 носильных вещей⁶³.

Особой заботой властей были десятки тысяч квартир, опустевших после депортации и убийства из хозяев, и их содержимое. Тысячи квартир были заняты местными жителями, когда их еврейские соседи бежали или были эвакуированы вглубь страны еще до прихода немцев. Евреи, которым не удалось эвакуироваться, вернувшись домой, обнаружили свои квартиры разграбленными. Часто в квартирах уже находились местные жители, которые даже не дали возвратившимся войти⁶⁴. В некоторые квартиры вселялись представители немецких органов власти, командированные в город, и военные; другие оказывались захвачены полицейскими, представителями местной администрации и приближенными к ним лицами, а часть квартир – просто местными жителями. В городах, где были созданы временные гетто, местные жители, проживавшие в кварталах, отведенных под гетто, вынуждены были их оставить. В качестве компенсации они получили квартиры евреев. Следует помнить, что желание местного населения получить или самовольно захватить такую квартиру было еще и результатом разрушений, причиненных городам во время бомбардировок и военных действий. Многие остались без крыши над головой, и еврейские квартиры были хорошим решением проблемы. Были и те, кто хотел улучшить жилищные условия и получить квартиру побольше. Зинаида Груневич из Белой Церкви на Украине обратилась письменно в жилищный отдел городской управы. Сообщив, что вся ее семья проживает в одной комнате, она просила

⁶³ Черноглазова, *Трагедия евреев Белоруссии*. С. 76.

⁶⁴ Даниил Романовский, «Советские евреи под нацистской оккупацией» // *Ковчег: Альманах еврейской культуры*. Вып. 1. Москва – Иерусалим, 1990. С. 307–308.

предоставить ей находящуюся в том же доме квартиру еврейской семьи Пятигорских, состоящую из двух комнат и кухни⁶⁵. Письмо написано 2 сентября 1941 года, спустя две недели после расстрела евреев города, среди которых наверняка была и семья Пятигорских. Ученица Киевской музыкальной консерватории Н. Т. Сова обратилась в отдел пропаганды управы с просьбой получить пианино, оставшееся в соседней квартире, где проживали «вывезенные» евреи, чтобы продолжить занятия музыкой⁶⁶.

Яков Генин из местечка Бешенковичи, расположенного к западу от Витебска, в Восточной Белоруссии, рассказал в своем свидетельстве:

Постепенно дома у евреев стали разбирать. Забирала обычно полиция себе. Был у нас учитель математики, Иван Михайлович Ивицкий (меня еще учил), он стал начальником полиции... Он забрал еврейский дом, причем вместе с короной. И другие полицейские забирали дома и в них селились... Мы жили в одном доме, в частности, с семьей Гуревич; но дом понравился одному полицая, и всем пришлось перейти⁶⁷.

Среди местного населения были те, кто разбогател на награбленном еврейском имуществе. Подходящим для грабежа временем были дни, когда евреев переселяли в гетто или отправляли на расстрел. В эти дни полицейские были заняты депортацией или акцией уничтожения, и квартиры со всем их содержимым оставались без присмотра. В статье об акции уничтожения евреев Бердичева (14–15 сентября 1941 года) сказано:

Но одновременно находились темные преступные люди, извлекавшие материальные выгоды из великого несчастья, жадные до наживы, готовые обогатиться за счет невинных жертв. Полицейские, члены их семей, любовницы немецких солдат бросались в опустевшие квартиры грабить. На глазах живых мертвецов тащили они платья, подушки, перины, некоторые проходили сквозь оцепление и снимали платки, вязаные шерстяные кофты с женщин и девушек, ждущих казни⁶⁸.

⁶⁵ АЯВ. М-52/200. Оригинал находится в Киевском областном государственном архиве (Ф. Р-2225. Оп. 1. Д. 639).

⁶⁶ АЯВ. М-52/213. Оригинал там же (Ф. Р-2412. Оп. 2. Д. 23).

⁶⁷ АЯВ. ОЗ/4676. Похожее свидетельство – о том, как полицейский отнял дом и выгнал из него евреев, – см.: АЯВ. ОЗ/4677.

⁶⁸ *Черная Книга*. С. 32.

Подобные сцены происходили в абсолютном большинстве городов и местечек на оккупированной территории СССР. Бердичев не был исключением. Вот что написано в донесении 454-й охранной дивизии, действовавшей в центральной Украине в ноябре 1941 года, о местном населении: «Местные жители незаконным путем нажились за счет брошенного еврейского имущества, за счет его продажи или обмена на продукты питания они могут существовать и не работая»⁶⁹.

Местная администрация и местные полицейские больше всех других слоев местного населения обогатились за счет евреев, что привело к зависти и ссорам. Группа коллаборантов – членов союза литовских «партизан» в местечке Игналина на востоке Литвы обратилась 22 января 1942 года с жалобой к заведующему окружным хозяйством (*Kreislandwirtschaftsführer*) Швянчёнисского округа Йозефу Беку:

*Полиция Игналины и бывший бургомистр Игналины Тиунелис, а также теперешний бургомистр, Альбертас Олеюнас, присвоили себе много еврейских вещей. Полицейские и оба бургомистра спрятали эти вещи у своей родни и друзей в деревнях... Мы знаем, что у полиции имеются 220 золотых колец, 55 золотых часов, 35 хороших диванов, 45 шкафов, 180 кроватей с матрацами, 45 коров, около 50 мехов, 250 обработанных кож. Кроме всего этого, есть много рассортированных вещей, включая одежду, обувь и т. д. Только десятая часть еврейского имущества была продана жителям во время уничтожения [евреев]. Например, золото, кожи и другие драгоценности на продажу вообще выставлены не были, и не были переданы немецкой армии. Мы, партизаны из Игналины, выражаем признательность немецкой армии за наше освобождение*⁷⁰.

В Игналине проживали около 150 еврейских семей; они были уничтожены вместе со всеми евреями Швянчёнисского округа 7–8 октября 1941 года. Упомянутое в письме имущество принадлежало им. В сотнях небольших населенных пунктов в оккупированных районах СССР, где не было постоянных представителей немецких властей, судьба еврейского имущества была такой же, как в Игналине, – местные власти прибирали его к рукам.

⁶⁹ Документы Нюрнбергского процесса, NOKW-2926.

⁷⁰ Центральный государственный архив Литовской ССР, Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 62. Л. 211.

Немецкие гражданская и военная администрации городов старались предотвратить захват еврейских квартир местными жителями. Они были заинтересованы в продаже этих квартир. Гебитско-миссары и военные коменданты через местную администрацию назначали комиссии, оценивавшие еврейские дома и квартиры. Эти комиссии посылали отчеты начальникам городских управ, те утверждали рекомендации комиссии, и на их основе квартиры продавались. В отчете, поданном бургомистру Могилева (Восточная Белоруссия), написано:

1941 года ноября 20–21 дня. Комиссия в составе Городского Инженера г-на Громакова М. Е., Начальника Жилищного Отдела г-на Мартынова и представителя от финансового отдела г-на Шембелева И. С., согласно распоряжения Городского Головы г-на Фелицина произвели оценку домов, ранее принадлежавших евреям и на основании распоряжения Фельдкомендатуры подлежащих продаже русскому населению гор. Могилева. Осмотром на месте установлено нижеследующее...⁷¹

Далее в отчете приводится таблица с именами местных жителей, заявивших о квартирах и о желании их приобрести, с адресами квартир, именами прежних хозяев – евреев, с описаниями состояния квартир и оценкой их стоимости. Цены на квартиры в обоих отчетах, составленных этой комиссией в конце ноября 1941 года, варьировались от 2 500 до 18 000 рублей, в зависимости от состояния. Согласно имеющимся у нас неполным спискам, с февраля по апрель 1942 года только в Могилеве местным жителям было продано более 300 еврейских домов. Продажу санкционировала военная администрация⁷². Газета «Нова Україна», выходящая во время немецкой оккупации в Харькове, пишет, что в декабре 1941 года 1 700 украинских семей получили новые квартиры⁷³. «Новыми квартирами» были квартиры евреев. В Одессе, находившейся под прямым румынским управлением (как часть Транснистрии – примеч. ред.), 13 января 1942 года примарь (начальник городской управы) Герман Пынтя издал приказ, запре-

⁷¹ Могилевский областной архив. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1. Копия: USHMMMA, RG-53006-M, Reel 5. Орфография и стиль подлинника сохранены.

⁷² Там же.

⁷³ Юрий Ляховицкий, *Желтая Книга*. Харьков: Бенсиах, 1994. С. 13.

щающий местным жителям входить в пустые еврейские квартиры⁷⁴. Примарь намеревался в будущем продать несколько квартир представителям румынских властей и румынского населения, которое должно было поселиться в городе, и воспользоваться выреченными деньгами.

Борьба между немецкими органами власти за еврейское имущество

Одновременно с действиями немецкой администрации по сбору еврейского имущества (или его денежного эквивалента) у местного населения за него боролись сами немецкие органы власти, прежде всего гражданская администрация, армия, Зипо и СД, успевшие завладеть еврейским имуществом. Эта борьба нашла отражение в документе гебитскомиссара города Валмиера (северо-восток Латвии). В донесении о событиях октября 1941 года сказано:

Мы конфисковали имущество евреев, уничтоженных только что и ранее. При этом у нас возникли специфические трудности с возвращением [изъятого в ходе] широкомасштабных конфискаций, произведенных армией и полицией безопасности. Армия отказывается возвращать имущество, в основном мебель и вещи, находящиеся в квартирах офицеров. Я дал распоряжение, на основании приказа рейхскомиссара [Лозе], провести конфискации. В любом случае с уходом войск вещи будут возвращены... По мнению Зипо, конфискованные нами вещи принадлежат им. К сегодняшнему дню они положили на свой счет еврейское имущество в большом объеме... Вынужден отметить, что в настоящий момент поведение Зипо невыносимо⁷⁵.

Органы СС устраивали на оккупированных территориях склады, где хранилось награбленное или оставленное жертвами еврейское имущество. Вот свидетельство эсэсовца Рихарда Даннлера, проходившего службу в Риге, в аппарате СС и полиции Фридриха Екельна:

⁷⁴ Приказ румынской администрации: АЯВ. М-52/242.

⁷⁵ USHMM, R-69-1a-18.

В мои официальные обязанности входили частые контакты со штурмбан-фюрером Нойратом, человеком, на попечении которого были одежда и другие предметы, оставшиеся после расстрелов. На большом складе в Риге я видел огромные кучи одежды, иногда пропитанные кровью. По моей оценке, это была одежда 30 000 человек по крайней мере... В канцелярии 9-го транспортного отдела, находившейся в здании штаба главного начальника СС и полиции, я видел ящики, набитые деньгами, золотом и драгоценностями. Бумажные деньги, банковские векселя рассортировывались по пакетам и отправлялись в «Немецкий коммерческий банк» (Deutsche Handelsbank) в Риге. Там были большие количества бриллиантов, ювелирных изделий, золотых часов, причем лучшие вещи Екельн забирал себе. Иногда, принося Екельну почту, я видел на его столе дорогие вещи⁷⁶.

Спор между немецкими органами власти о правах на еврейскую собственность, конфискованную или оставшуюся после гибели хозяев, достиг Берлина. На совещаниях между Розенбергом и Гиммлером спор был решен в пользу гражданской администрации. В приказе Гиммлера главным начальникам СС и полиции на оккупированных территориях СССР от 3 марта 1942 года говорится:

Золото, деньги и другие ценности, конфискованные во время обыска домов или во время переселения евреев, должны быть зарегистрированы в присутствии двух официальных лиц и переданы, все вместе, под надзор КДС [комендатуры Зипо и СД]. Раз в месяц конфискованные вещи должны передаваться в финансовый отдел рейхскомиссариата, в обмен на квитанцию. Я запрещаю удерживать даже небольшие суммы. Если КДС или КДО [комендатура полиции] хотят оставить себе конфискованные деньги, я разрешаю в исключительных случаях обратиться с этой просьбой к рейхскомиссару и, с его согласия, оставить эти деньги. Согласие должно быть дано в письменном виде⁷⁷.

Два последних предложения в приказе Гиммлера дали органам СС на местах возможность вести переговоры и торговаться по поводу части конфискованных денег и драгоценностей. На прак-

⁷⁶ Документы Нюрнбергского процесса, NO-5124.

⁷⁷ USHMM, R-70-5-34, Reel 5. Хилберг пишет о встрече Розенберга и Гиммлера 15 ноября 1941 года, на которой они обсуждали тему еврейского имущества и жалобы Лозе и Вильгельма Кубе на эсэсовцев, присваивающих это имущество себе (Hilberg, *Destruction*, pp. 363–364).

тике приказ Гимmlера не выполнялся полностью, разногласия и споры продолжались, особенно между руководителями Зипо и СД, считавшими себя ответственными за все, что касалось евреев, и гражданской администрацией. Командир эстонского отделения Зипо, Айн-Эрвин Мере, сообщил 15 июня 1942 года генералкомиссару Эстонии Карлу Лицману, что он отправил в Берлин золотые и серебряные монеты, конфискованные у евреев и коммунистов, и что оставшиеся у него ценности будут посланы в Берлин по тому же адресу⁷⁸. В данном случае Мере действовал согласно директивам своих командиров в Зипо. 26 ноября 1942 года РСХА приказал передать все еврейское имущество, находящееся в руках Зипо и СД, руководству финансовых отделов рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина», кроме драгоценных металлов, драгоценных камней и иностранной валюты, которые следовало передать в ВФХА (Главное экономическое управление СС). Выполнение приказа о передаче наличных денег заняло месяцы. Только 1 мая 1943 года начальник КДС в «Остланде» доложил Лозе о переводе ему этих денег:

Деньги, конфискованные органами полиции безопасности и СД в Остланде, в данное время в спешном порядке переводятся генералкомиссарам. Кроме того, из кассы Главного управления безопасности Рейха переводятся суммы, конфискованные в 1941 и 1942 годах... Конфискованные деньги, упоминавшиеся в письме от 19 марта 1943 года, на сумму около 1 миллиона рейхсмарок, уже отправлены латвийскими Зипо и СД. Что же касается перевода 1,8 миллиона рейхсмарок из конфискованного еврейского имущества, распоряжение об их внесении на банковский счет было дано 22 апреля 1943 года. Эту сумму рейхскомиссар Риги уже должен был получить⁷⁹.

Гражданская администрация протестовала против того, что органы СС оставляют себе драгоценности и иностранную валюту. Только спустя 11 месяцев после приказа от 26 ноября 1942 года РСХА дал указание передать гражданской администрации и эти предметы. Вот что пишет начальник Зипо и СД «Остланда»

⁷⁸ Б. Л. Тамм и др. (ред.), *Немецко-фашистская оккупация в Эстонии*. Таллинн: Институт истории партии при ЦК КП Эстонии. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР, 1963. С. 105.

⁷⁹ USHMM, R-70-5-34, Reel 5.

в письме к Лозе 23 октября 1943 года: «По соглашению с ВФХА внесено изменение в приказ от 26 ноября 1942 года; дано указание, чтобы в будущем драгоценные металлы и камни и иностранная валюта, у кого бы они ни были конфискованы, переводились в финансовые отделы рейхскомиссариатов, ведающие этим, кроме случаев, требующих дальнейшего расследования»⁸⁰.

Согласие Зипо не имело большого значения – оно относилось не к прошлому, а к будущему. Согласие это было дано после уничтожения гетто и их обитателей; только немногие евреи еще оставались в рабочих и концентрационных лагерях. Почти все ценности и иностранная валюта еврейских жертв уже находились в учреждениях СС в Берлине, и никто не требовал вернуть их гражданской администрации.

Представление о стоимости награбленного еврейского имущества дает отчет группенфюрера СС Фрица Кацмана, начальника СС и полиции в дистрикте «Галиция», от 30 июня 1943 года. Отчет этот описывает процесс «окончательного решения еврейского вопроса» в Восточной Галиции и сообщает подробности о еврейском имуществе, собранном и переданном в штаб операции «Рейнхард». Перечислены различные золотые предметы общим весом в 206 килограммов 586 граммов. Общий вес различных серебряных вещей превосходил 5 400 килограммов. Упомянуты 29 видов валюты (доллары, фунты стерлингов, злотые, рубли и т. д.), в частности, 261 589 долларов 75 центов. В отчете также указывается, что в декабре 1941 года в рамках «меховой акции» были отосланы 35 вагонов с пушниной⁸¹. В отчете указано только то, что было передано штабу операции «Рейнхард», – а ведь оставшееся в карманах чиновников местной администрации и местного населения могло существенно превышать стоимость отосланного.

Заключение

Разграбление еврейского имущества на оккупированной территории СССР и борьба различных структур за право им распоряжаться начались с первых дней немецкой оккупации (сразу

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Документы Нюрнбергского процесса, L-18.

после отступления советской армии) и продолжались до ее конца. Многие воспользовались собственностью евреев, а именно:

1) различные органы СС и другие структуры, принимавшие участие в убийстве евреев: передвижные отряды айнзатцгрупп, филиалы Зипо и СД, отряды полиции порядка, солдаты немецкой армии и т. д.;

2) немецкие военная и гражданская администрации, немецкие учреждения и банки в Берлине и в Рейхе вообще, немцы, служившие в различных структурах немецкой администрации на территории СССР;

3) местные полицейские и пособники оккупантов, а также немалое число местных жителей.

Еврейское имущество было важным источником финансирования деятельности немецкой администрации на оккупированных землях. Она распределяла его между фольксдойче и своими прислужниками из местного населения в награду за сотрудничество и для привлечения новых пособников.

Многие местные жители, получившие или присвоившие себе еврейские квартиры и еврейское имущество, были заинтересованы в том, чтобы настоящие хозяева не возвращались. В результате некоторые из них стали желать победы Германии в войне.

Нет возможности ни точно узнать, ни оценить денежную стоимость еврейской собственности на оккупированных территориях СССР, собственности, которую чиновники немецкой и местной администраций оставили себе для личного пользования и для финансирования деятельности властей и в которую входили и контрибуции в десятки миллионов рублей. У нас нет сведений о деньгах и ценностях, переведенных различными административными чиновниками и членами СС в центральные банки и в Центральное трофейное управление Рейха в Берлине. Нет также возможности установить стоимость еврейской собственности, присвоенной местными жителями или купленной ими за бесценок у немецкой администрации. Борьба за эту собственность между немецкими структурами, а также сумма примерно в 2,8 миллионов рейхсмарок (28 миллионов рублей), отобранная у евреев, которую Зипо и СД «Остланда» перевели весной 1943 гражданской администрации, сумма, которая, без сомнения, была только

малой частью и остатком конфискованного, – все указывает на огромную ценность этой собственности.

Отчет Кацмана описывает только имущество, конфискованное у евреев Восточной Галиции и переправленное в штаб операции «Рейнхард», но на основе этого описания можно составить представление о размере конфискованного у евреев имущества и в других регионах. Кроме того, немалая часть денег, золота и ценностей евреев Галиции не попала в руки Кацмана, а значит, и в его отчет, поскольку была увезена владельцами в лагерь уничтожения Белжец, находившийся вне власти Кацмана. В других оккупированных регионах СССР евреев, как правило, убивали в местах их проживания, и имущество убитых оставалось на месте. Деньги и ценности, одежда и предметы обихода, тысячи домов и квартир, – их стоимость достигала многих сотен миллионов (если не миллиардов) рейхсмарок.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как
“The Plunder of Jewish Property in the Areas of the Soviet Union Occupied by Nazi Germany”
в Yad Vashem Studies, том 29 (2001) pp. 85-116.
Перевод с иврита Кати Гусаровой.*

